

- Валентин Иванович, каково нынче состояние философии в России?

- Наша философская наука, с моей точки зрения, сегодня на достойном уровне. Но положение ее парадоксально. С одной стороны, мои коллеги плодотворно работают, пишут книги, монографии, и это интересные труды. В сравнении с предыдущими временами прогресс очевиден. Но, увы, на этом преимущественно современного положения философии кончаются. Главное - общественная потребность, интерес к плодам философского ума. А плоды эти сегодня не востребованы. Что, кстати, порождает еще одну проблему - труд не оценен по достоинству, поскольку носит всеобщий характер. Объясню. Предположим, сантехнику вовремя не платят зарплату - он либо найдет работу в другом месте, либо перекалится, скажем, в дворника. Философ же, если ему не давать даже ту нищенскую зарплату, которую он получает - а главный научный сотрудник Института философии, профессор, доктор наук сегодня получает не более 3,5 тысячи рублей в месяц! - все равно будет работать с полной отдачей, пока не умрет с голоду...

- Нищенской зарплатой мысль не погасишь. И, кстати, не востребованы не только философы...

- Не востребованы обществоведы, социологи - правда, в меньшей степени, потому что власть хочет знать, не падает ли ее рейтинг. Но серьезного интереса к наукам нет. Например, наше общество удушает опасное явление: коррупция. Лично я хотел бы знать о степени коррумпированности власти. Сатаров со своим «Индемом» сделал такую работу. Кто заинтересовался? И куда смотрит правительство? Именно оно должно быть заинтересовано в том, чтобы выявить механизмы коррупции, степень коррумпированности. Ничего этого нет.

Власть не устаёт повторять: у нас свобода. Но я спрашиваю - что это за свобода? Такая свобода мне не нужна: я против охаивания президента, избранного народом, кто бы он ни был - Ельцин, Путин, Пупкин. Я против подсматривания в замочную скважину личной жизни кого бы то ни было. Мне многое из такой свободы в принципе не нужно. Но мне нужна свобода, чтобы знать об этом обществе то, что имеет существенное значение, вызывает собственно человеческий интерес. Такой свободы у нас недостаточно.

- Вы сказали, что потеряли интерес к философской мысли. Но вспомним 70-е годы - начало 80-х - время пристального внимания к общественным проблемам...

- К ним, действительно, был огромный интерес. Наш институт бурлил. Допустим, появилась новая статья в «Известиях», «Правде» - ты шел по коридору, и отовсюду несло: «Что (или зачем) ты написал?!» Стенные газеты переполняли дискуссии. На четвертом этаже, в курилке, - бесконечные баталии. А какие были семинары! Зиновьева! Щедровицкого! Ильенкова! Библиера! Ныне научное общение заглохло. Есть наш клуб «Свободное слово». Но это несопоставимо с тем, что было...

Я пришел в Институт философии в 1970 году, кстати, в один день с Эриком Соловьевым. И первое, что нам сказали: есть заказ из отделов науки и пропаганды ЦК КПСС на две темы - «Социалистическое общество» и «Борьба идей в современном мире». Директор, академик Павел Васильевич Колпин предложил: разыграйте, кто из вас двоих каким трудом будет руководить. И мы бросили монету - кому что достанется. Мне досталось «Социалистическое общество», Эрику - «Борьба идей». И эти труды коллективно в течение пяти лет были созданы. Конечно, идеология превалировала, но вместе с тем напомины, что в 1982 году Юрий Андропов выступил со статьей, где задавался вопросом: а знаем ли мы общество, в котором живем? Так что заинтересованность в научной картине даже в ЦК КПСС проявлялись.

Сегодня, например, так называемая элита провозглашает, что строит некую общественную форму, но в понимании того, что создает, не заинтересована - ни заказов, ни просьб! Как будто здесь все ясно.

Говорят: строим капитализм. А я считаю, что строим рыночное общество, где в основе социальных отношений и нравственности - деньги. Объявили демократию и рынок. Но, скажите, какая это демократия? Какой рынок? Эти вопросы в обществе все время не обсуждаются. В связи с последними инициативами Владимира Путина говорят: откат от демократии. А я спрашиваю: от какой демократии откат? Я считаю, что демократия у нас еще и не началась. Право голоса? При коммунистах тоже голосовали. Только бандитам, криминальным элементам пройти во власть было тогда намного труднее. Подобных вопросов немало. Но выдти монография на эти темы - увы, ее прочтут специалисты, и на этом все закончится. Процесс тем временем будет идти сам собой...

- Похоже, власть не столько против вопросов, сколько против ответов...

- Им не нужны вопросы, а ответов они просто боятся. Поэтому власти философы не нужны. Отсюда - оценка труда. Отсюда - количество дискуссий. Как ни оудливы часто были дискуссии в прошлом, но они были, причем по серьезнейшим мировоззренческим вопросам. Государство, власть были заинтересованы в том, чтобы общество находилось в определенном духовном состоянии. А сегодня я не вижу вообще серьезных достижений в области духовной жизни общества. Задаю простой вопрос: скажем, назовите мне хотя бы одну песню, которую бы пела вся страна. Есть композиторы. Есть певцы. А песни такой нет. Помню, как записывал все, что говорил Михаил Жванецкий. Помню десятки его афоризмов, которые точно характеризовали то общество, его нравы. Сейчас

ничего не записываю - не понимаю его отношения к жизни. Говорит много, иногда смешно, но через 15 минут не помнишь, над чем смеялись...

- В чем причина?

- Видимо, понятие свободы сложнее, чем мы себе представляли. Свобода для чего? Для кого? Свобода слова есть. Мы с вами беседуем - я могу сказать о чем угодно, и если это не брань или не является призывом к свержению строя, вы опубликуете как мнение господина Толстых - пускай знают, что он думает. При советской власти этого не было. Была цензура. Я против цензуры - категорически! Но я за самоцензуру. Для меня оборотной стороной свободы является ответственность. Свобода, которая сейчас существует - словесная или действенная, - безответственная. Куда делись принципы, которые веками выработывались лучшими умами человечества, цивилизацией и закреплены в книгах, Библии, Коране? Мы говорим о свободе и тут же - о беспределе. Что есть свобода, ведущая к беспределу? К

Валентин Толстых:

НЕТ СВОБОДЫ БЕЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Валентин Иванович Толстых - доктор философских наук, профессор, лауреат Государственной премии (1987 года). Главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, где работает с 1970 года. Область научных интересов и занятий - социальная философия, этика и эстетика. Автор более 200 научных работ (монографии, сборники, статьи), в том числе книги: «Искусство и мораль. О социальной сущности и функции искусства», «Духовное производство», «Образ жизни», «Сократ и мы», «Производство как общественный процесс», «Наука и нравственность», «О стратегии российского развития» и др.

вседозволенности? Это не свобода. Это нечто иное, чему еще надо найти объяснение, определение.

Суть в том, что нет свободы без ответственности! Пользуясь свободой, мы редко задаемся вопросом: не задан ли мы тем самым чей-то интерес, чью-то честь и достоинство? Насколько мы осторожны в слове, в действии? Таким пониманием свободы обладают считанные личности. Уверен, свобода связана с уровнем общей и нравственной культуры человека...

Говорю с вами и ловлю себя на мысли: не в моих правилах преобладание отрицательных характеристик - ищу положительные. Но трудно найти - все эти уродства и недостатки буквально лезут в глаза. Есть проблемы, связанные с социальными и духовным развитием общества и личности, которые вообще не ставятся и не исследуются, - эта сфера оказалась закрытой для публичного обсуждения...

- Вряд ли это сделано намеренно...

- Думаю, это явление порождено природой отношений в обществе. Меня, например, всегда интересовало соотношение коллективности и индивидуальности. Считаю, что индивидуальность возможна только в рамках развитой коллективности. Между тем коллективизм у нас объявили инструментом давления личности. Коллективность, общность интересов, взглядов рассматриваются едва ли не как отрыжка, пережитки советского прошлого. Впрочем, сейчас заговорили о единстве, о согласовании интересов, о том, что нужно ликвидировать раскол в обществе. В нашей Конституции - в отличие от конституций Италии, Франции, Германии - нет таких понятий, как «общие интересы», «общее благо», «общее дело» - все это исчезло из понятийного аппарата.

- И это не случайно - капитализм взялись строить те, кто прежде специализировался на его критике с позиций марксизма. Беда, коль сапоги начнет тащить пирожник...

- Господствует узколобое понимание и демократии, и рыночных отношений, и общества, и государства. Не случайно и то, что сегодня появилось много интеллектуальных «проектов», требующих критического осмысления, даже преодоления. Ратуют за сильное государство. Я тоже за сильное государство! Но спрашиваю: какое государство вы призываете сделать сильным? Нынешнее? Не дай бог! Сначала постройте государство, которое не было бы настолько коррумпированным, настолько асоциальным и безнравственным по отношению к людям. И только тогда можно говорить о сильном государстве...

- Чем слабей государство, тем больше оно говорит о силе, тем мощней его репрессивный аппарат.

- Говорят: давайте строить гражданское общество. Но сначала надо подумать над тем, какое у нас

государство. Его прочитал весьма влиятельный бизнесмен и говорит: все правильно, возразить невозможно, но и осуществить невозможно. Почему? Отвечает: нужна еще одна революция. Революция не в смысле штурма Зимнего, а в смысле изменения устройства общества. Можно быть марксистом или анти-марксистом, но объективно существуют экономические отношения, отношения труда и капитала. Абрамович купил «Челси», вчера сообщили, что еще и замок во Франции купил. Все знают, как получены эти деньги. Видно, что они для него - бросовые, не заработанные потом... Состоятельные люди Запада наживали богатство совершенно на иных принципах - на протестантской морали, в основе которой бережливость и скромность. Эта мораль стала духовной основой подлинного капитализма, который достиг огромных результатов. У нас этого нет.

Наше общество скорее больно, чем здорово. Когда человек себя плохо чувствует, он идет к врачу. Когда в обществе назревают серьезные проблемы - обращаются к тем, кто способен осмыслить их и дать рецепт выздоровления. Но, увы, у нас не ставятся даже вопросы...

Признаюсь, я с энтузиазмом воспринял когда-то послание президента Путина, где сказано, что возрождение России начнется с морали. Подумал, наконец-то к власти пришел человек, понимающий суть дела. В связи с этим даже вспомнил Макса Вебера. Увы, после слов - тишина...

Но вернусь к вашему вопросу: куда ведет такой путь? Он ведет к тому типу капитализма, который характерен для ряда стран Латинской Америки - Венесуэла, Гондурас, либо для Африки, где не более 10-15 процентов преуспевающих людей, остальные же впадают в абсолютную нищету, где жуткий духовный и политический раскол в обществе...

- Что ждет Россию?

- Она развалится раньше, чем превратится в Гондурас... Но меня не покидает надежда; Россия не раз выкарабкивалась из драматических ситуаций. Вопрос - о цене! Цена - гибель миллионов. И люди фактически гибнут. Раньше говорили о ГУЛАГе. Сегодня лучше помолчать об этом, потому что тот ГУЛАГ, который устроил Сталин, несопоставим с сегодняшним, который устроили без политических преследований. Ежегодно население убывает на 700 тысяч. На днях сообщили, что за восемь месяцев 2004 года Россия потеряла полмиллиона человек. Кто за это ответит?

- Но как в вас уживаются пессимизм реальности и оптимизм надежды?

- Не уживаются, но это моя личная драма и тайна. Скажу только, что я считаю себя ответственным за то, что произошло. 39 лет я был членом Коммунистической партии, правда, командных постов не занимал, всегда получал зарплату только за свой труд. В этом смысле я честен. И тем не менее виноват, что участвовал в произошедшем. И это не мазохизм.

- Это романтизм...

- Мое признание прагматично: доля моей вины есть, хотя я и был оппонентом той власти, но, видимо, надо было что-то большее делать...

- На улицу выходить?

- Может быть, и на улицу...

- Это и есть романтизм - революционный!

- Я так не считаю. Час назад, например, нас призывали выйти завтра на демонстрацию в знак протеста.

- Против чего протестовать будете?

- Против уничтожения Российской академии наук. Только что закончился ученый совет, где нам сообщили возмутительные вещи: в правительстве есть люди, которых наука абсолютно не интересует, они хотят приватизировать имущество академии. За многие годы у академии появилось большое количество зданий, земля - все это хотят приватизировать, поэтому доказывают, что академия не нужна, и что ее нужно перестроить на американский лад - значит, уничтожить фундаментальную науку, которая является основой основ могущества государства. Наука сегодня, если подходить объективно, самая прибыльная отрасль экономики! Во всяком случае наши ученые дают больше прибыли, чем правительство, сидящее в Белом доме. Те, кто хочет захватить собственность академии, не могут успокоиться. Поэтому мы должны выйти на демонстрацию.

- У «захватчиков» есть фамилии?

- Назвали некоего Свиначенко, который был никем, а стал «всемирным» - заместителем министра образования. Увы, мы с вами живем в стране, где глупые управляют умными, а слабые - сильными. Это держится на долготерпении народа, который, как известно, долго запрягает...

- Вы верите в этот миф?

- Да. В нашем клубе на этот счет не утихают споры. Клуб-старожил в Москве - работает семнадцатый год. Около 200 заседаний. Все, что произошло у нас в стране за эти 20 лет, проанализировано. Нет вопроса, к которому мы бы не обращались.

- То, о чем мы говорили, тоже обсуждаете?

- И в более резкой, острой форме. В клубе представлены все точки зрения и партийные позиции: есть «яблочники», коммунисты, либералы, националисты, но не крайние - крайности отсекаются. Недавно отметили 15-летие клуба, и я сказал, что мы своим бытием доказали, что демократия в России возможна - могут сосуществовать разные точки зрения, позиции, и люди могут цивилизованно выражать свои взгляды.

Продуктивен именно диалог между людьми...

Беседу вел
Леонид ГОВЗМАН
Фото автора